

Глава 4

Стрелецкий бунт

Всю первую половину жизни Петра власть в России опиралась на стрельцов – косматых, бородатых копейщиков и пищальников, которые несли охрану в Кремле и были первыми русскими профессиональными солдатами. Они присягали защищать «власти» в случае кризиса, но нередко затруднялись решить, какая из конфликтующих сторон представляет законную власть. Это было своего рода коллективное бессловесное животное, никогда не знавшее точно, кто его настоящий хозяин, но готовое броситься и загрызть всякого, кто посягнет на его собственные привилегии. Стрелецкие полки сформировал Иван Грозный, чтобы создать постоянное профессиональное ядро в громоздком феодальном войнстве, которое водили в бой прежние московские правители. Это войско состояло из отрядов дворянской конницы и оравы вооруженных крестьян, которых призывали на службу весной и распускали по домам осенью. Как правило, этим необученным и недисциплинированным летним воякам, которые хватались за первое попавшееся копьё или топор и с тем выступали в поход, туго приходилось в боях с западными противниками – поляками или шведами.

На часах или на параде стрельцы являли собой красочную картину. Каждому полку была присвоена особая, ярких цветов, форма – синие, зеленые или вишневые короткие либо длиннополые кафтаны, отороченные мехом, шапки того же цвета, штаны, заправленные в желтые сапоги с загнутыми носками. Кафтан подпоясывался черным кожаным ремнем, к которому подвешивалась сабля. В одной руке стрелец держал пищаль, или аркебузу, а в другой бердыш – боевой топор.

В большинстве своем стрельцы, простые русские люди, жили по старинке, почитали царя-батюшку и патриарха, ненавидели новшества и противились реформам. И офицеры, и рядовые солдаты относились с подозрением и затаенной злобой к иностранцам, нанятым обучать русскую армию применению нового оружия и тактике. Стрельцы не разбирались в политике, но когда им казалось, что страна отклоняется от праведных, исконных путей, они тут же вбивали себе в голову, что долг требует их вмешательства в государственные дела²³.

В мирное время забот у стрельцов было немного. Правда, некоторые стрелецкие части стояли на границах с поляками и татарами, но основная масса была сосредоточена в Москве, где стрельцы жили особой слободой поблизости от Кремля. К 1682 году их насчитывалось 22 000 – двадцать два полка по тысяче солдат в каждом. Стрельцы вместе с женами и детьми образовали в сердце столицы громадное скопление праздной военщины и иждивенцев. Их баловали: царь предоставлял им прочные бревенчатые избы для жилья, снабжал из казны продовольствием, обмундированием, денежным жалованьем. За это они несли караул в Кремле и охраняли городские ворота. Когда царь выезжал из Кремля в город, стрельцы выстраивались вдоль всего его пути, если же он отправлялся за пределы Москвы, его сопровождал стрелецкий эскорт. Они выполняли также полицейские функции и носили с собой короткие плетки, чтобы разнимать дерущихся. Если Москва горела, стрельцы становились пожарными.

Располагая в избытке свободным временем, стрельцы постепенно начали приторговывать. Некоторые стали открывать свои лавки. Как служилые государевы люди, они не платили торговых пошлин и быстро богатели. Членство в полках сделалось желанной привилегией и передавалось чуть ли не по наследству. Едва стрелецкий сынок достигал необходимого возраста, его немедленно записывали в отцовский полк. Понятно, что чем богаче становились стрельцы, тем неохотнее они возвращались к своим прямым солдатским

²³ Собственно, такая ситуация со стрельцами возникла в первый и единственный раз именно в мае 1682 г. Вмешательство стрельцов в политику было вызвано их тяжелым материальным положением (им не выплачивали жалованья) и желанием сыграть на династических сложностях внезапно ослабевшей верховной власти. – *Примеч. ред.*

обязанностям. Солдат, он же хозяин доходной лавки, скорее предпочитал откупиться, чем исполнять какое-нибудь хлопотное служебное поручение. Офицеры-стрельцы к тому же использовали своих подчиненных как рабочую силу. Одним праздные воины прислуживали, другим строили дома или следили за садом. Случалось, что офицеры растрачивали солдатское жалованье, однако официальные обращения солдат за справедливостью власти обычно игнорировали, а самих жалобщиков наказывали.

Именно так и случилось в мае 1682 года, когда молодой царь Федор лежал на смертном одре. Грибоедовский полк представил петицию, в которой говорилось, что полковник Семен Грибоедов задержал половину жалованья и на Пасхальной неделе заставил солдат строить загородный дом. Командующий стрельцами, князь Юрий Долгорукий, приказал высечь человека, доставившего жалобу, за нарушение субординации. Но когда челобитчика вели к месту порки, он, проходя мимо наблюдавшей за происходящим группы своих сослуживцев, закричал: «Братцы! Что ж вы меня выдаете? Ведь я подавал челобитную по вашему постановлению и ради вас!» И возмущенные стрельцы напали на охрану и отбили арестованного.

Это происшествие взбудоражило стрелецкую слободу. Семнадцать полков тут же обвинили своих полковников в мошенничестве и в дурном обращении и потребовали их наказать. Неопытное правительство регентши Натальи, едва начинавшее брать дела в свои руки, получило этот конфликт как бы в наследство и не сумело с ним справиться. Многие бояре из древнейших родов России – Долгорукие, Репнины, Ромодановские, Шереметевы, Шейны, Куракины, Урусовы – сплотились вокруг Петра и его матери, но никто не знал, как умиротворить стрельцов. Наконец, отчаявшись смягчить их враждебность, Наталья пожертвовала полковниками. Не назначив расследования, она велела арестовать их, лишить чинов, а все их имущество, разделив, пустить на уплату просроченного стрелецкого жалованья. Двоих полковников, в том числе Семена Грибоедова, публично высекли кнутом, а еще двенадцать подверглись более легкому наказанию – они, по постановлению самих стрельцов, были биты батогами. «Бей сильнее! – подбадривали стрельцы друг друга, пока все офицеры по очереди не потеряли сознание, и только тогда удовлетворенно проворчали: – Будет с них, отпустите».

Позволив взбунтовавшейся солдатне расправиться с офицерами, власти избрали сомнительный путь восстановления дисциплины. Да, на время стрельцы успокоились, но теперь у них появилось сознание своей силы, укрепилась уверенность в том, что они вправе, и даже обязаны очищать государство от врагов, – словом, на самом деле они стали куда опаснее, чем прежде.

Стрельцы полагали, что им известно, кто эти враги: бояре и Нарышкины. Среди солдат распространялись зловещие слухи. Говорили, будто Федор умер не своей смертью, как было объявлено, а отравлен лекарями-иностранцами при молчаливом потворстве бояр Нарышкиных. Те же враги оттеснили от престола Ивана, законного наследника, и втащили туда Петра. И теперь, когда их сатанинские замыслы осуществились, иноземцы обретут власть над армией и правительством, православие будет унижено и попрано, а хуже всего то, что стрельцов, преданных защитников старомосковских устоев, ждет суровая кара.

Все эти рассказы были умелой игрой на стрелецких предрассудках. Другие события тоже преподносились так, чтобы вызвать у солдат злобу. Придя к власти, Наталья щедрой рукой раздавала новые должности всем своим родичам – Нарышкиным, и даже пожаловала заносчивого Ивана Нарышкина, своего младшего двадцатитрехлетнего брата, в бояре. Ивана и так уже недолюбливали за его замечание на похоронах Федора. Теперь пошли новые разговоры: будто он грубо толкнул царевну Софью и та упала на землю; будто, взяв царский венец, возложил его на свою голову со словами, что ему он пристал, как никому другому.

Но у каждой небылицы был свой автор, у каждого слуха – своя цель. Кто стоял за попытками взбунтовать стрельцов? Одним из подстрекателей был Иван Милославский, из всех сил стремившийся ниспровергнуть Петра, Наталью и нарышкинскую партию. Успев побывать в ссылке в предыдущий период засилья Нарышкиных при дворе, он отомстил,

отправив Матвеева на шесть лет в суровое полярное заточение. Теперь Матвеев возвращался в Москву, чтобы стать главным советником регентши, царицы Натальи Нарышкиной, и Милославский прекрасно знал, чего ему ждать от этого нового каприза судьбы. Другим заговорщиком был Иван Хованский, пустой, невыносимо шумливый человек, которому собственная бестолковость мешала достичь высот власти. Смещенный с поста псковского воеводы, он был призван к царю Алексею, который ему сказал: «Все тебя называют дураком». Ни за что не желая соглашаться с подобной оценкой, Иван Хованский примкнул к Милославским, которые сулили ему высокие должности, и сделался их деятельным сторонником.

Как ни странно, в заговоре был замешан и князь Василий Голицын, человек западных вкусов, очутившийся на стороне Милославских потому, что нажил себе врагов в противоположном стане. При царе Федоре он настаивал на реформах. Именно он составил проект реорганизации армии и предложил отменить местничество, чем и навлек на себя ненависть бояр. А поскольку теперь бояре приняли сторону Натальи и Нарышкиных, Голицына прибило к Милославским.

И Иван Милославский, и Иван Хованский, и Василий Голицын имели причины будоражить стрельцов, однако в случае успеха стрелецкого бунта ни один из них не мог бы взять на себя управление Российским государством. На это имела право только одна особа, которая была членом царской семьи, еще недавно выступала как доверенное лицо царя Федора и могла бы играть роль регента, если бы на престол взошел юный Иван. Именно ей сейчас грозила изоляция в монастыре или в тереме – и полная утрата всякой возможности влиять на политические события или на собственную судьбу. Наконец, только у нее достало бы ума и храбрости, чтобы пойти на свержение избранного царя. Никто не знает, в какой мере она была на самом деле связана с заговором и ужасными событиями, которые он повлек за собой; некоторые полагают, что все было сделано от ее имени, хотя и без ее ведома. Но косвенные свидетельства убедительно говорят о том, что главной вдохновительницей заговора была именно Софья.

Тем временем ничего не подозревавшая Наталья с волнением ждала в Кремле возвращения Матвеева. Когда Петра избрали на царство, она в тот же день послала гонцов – велеть Матвееву немедленно ехать в Москву. Он сразу же отправился в дорогу, но то была поездка триумфатора: в каждом городе, лежавшем на его пути, устраивали благодарственный молебен и пир в честь восстановленного в правах вельможи. Наконец вечером 11 мая, после шестилетней ссылки, старый боярин вернулся в Москву. Наталья встретила его как спасителя и представила десятилетнему царю, которого Матвеев помнил четырехлетним мальчуганом. Волосы Матвеева поседел, походка отяжелела, но Наталья была уверена, что его опыт и мудрость, наряду с влиянием, которым он пользовался и среди бояр, и среди стрельцов, помогут ему вскоре восстановить в стране порядок и согласие.

В течение трех последующих дней всем так и казалось. Дом Матвеева заполнили явившиеся с поздравлениями бояре, купцы, друзья-иностранцы из Немецкой слободы. Стрельцы, почитавшие его как прежнего командующего, присылали делегации от полков, чтобы выразить свое уважение. Явились даже Милославские, кроме Ивана, который передал, что болен. Матвеев принимал их всех со слезами радости на глазах, а его дом, подвалы и двор ломились от приветственных подношений. Казалось, все беды позади, но Матвеев, слишком долго отсутствовавший, чтобы сразу разобраться в положении, недооценил опасность. Софья и ее сторонники были по-прежнему наготове, и искра бунта тлела в стрелецких полках. За толстыми кремлевскими стенами, ослепленные своей радостью, Матвеев и Наталья не замечали, как растет напряжение в городе. Зато это почувствовали другие. Барон ван дер Келлер, голландский посланник, писал: «Недовольство стрельцов продолжается. Все общественные дела остановились. Ожидаются большие бедствия, и не без причины, потому что силы стрельцов велики, а противопоставить им нечего».

В 9 часов утра 15 мая тлевшая искра наконец вспыхнула пожаром. Два всадника, Александр Милославский и Петр Толстой, оба из ближнего окружения Софьи, ворвались в стрелецкую слободу с криком: «Нарышкины убили царевича Ивана! Все в Кремль! Нарышкины хотят перебить всю царскую семью. К оружию! Покараем изменников!»

Стрелецкая слобода взорвалась. Ударили в набат, загремели боевые барабаны. Люди в кафтанах надевали доспехи, опоясывались саблями, хватали бердыши, копья и пищали, собирались, готовые к бою, на улицах. Некоторые стрельцы обрубали древки своих длинных пик и бердышей, чтобы сделать их еще опаснее в ближнем бою. Развернув широкие полковые знамена с вышитыми изображениями Богородицы, под барабанный бой, они двинулись к Кремлю. При их приближении перепуганные горожане разбегались в разные стороны. Солдаты кричали: «Мы идем в Кремль бить предателей, убийц царской семьи!»

Тем временем в кремлевских приказах и дворцах жизнь шла своим чередом. Никто и не подозревал, что творится в городе, не ведал, что роковой час близок. Большие крепостные ворота были широко распахнуты, и лишь горстка охранников стояла на страже. Только что закончилось заседание Боярской думы, и бояре тихо сидели по своим приказам или в дворцовых палатах, либо прогуливались и беседовали в ожидании полудня и обеда. Матвеев как раз вышел из палаты, где заседала дума, на лестницу, ведущую к спальне, и тут увидел, что к нему бежит, едва переводя дух, князь Федор Урусов: «Стрельцы взбунтовались! Идут к Кремлю!»

Измученный, встревоженный Матвеев вернулся во дворец, чтобы предупредить царицу Наталью, срочно послал за патриархом, велел запереть кремлевские ворота, а дежурному стрелецкому полку – Стремянному – занять оборону на стенах и приготовиться защищать Петра, его семью и правительство.

Не успел Матвеев сделать распоряжения, как явились подряд три гонца с новостями одна хуже другой. Первый объявил, что стрельцы уже приближаются к кремлевским стенам, второй – что невозможно так быстро закрыть ворота, а третий – что вообще поздно что-либо предпринимать, потому что стрельцы уже в Кремле. В это самое время сотни бунтовщиков хлынули в открытые ворота и устремились вверх по холму на Соборную площадь, что перед Грановитой палатой. По пути они увлекали за собой солдат Стремянного полка, которые оставляли свои посты и присоединялись к стрельцам из других полков.

На вершине холма стрельцы запрудили все пространство между тремя соборами и колокольной Ивана Великого. Столпившись перед Красной лестницей, ведущей во дворец, они кричали: «Где царевич Иван? Выдайте нам Нарышкиных и Матвеева! Смерть изменникам!» Во дворце перепуганные думные бояре, все еще не совсем понимая, чем вызвано это внезапное нападение, собрались в Столовой палате. Решили, что князь Черкасский, князь Голицын и Шереметев выйдут из дворца и спросят у стрельцов, что им нужно. В ответ раздались крики: «Мы хотим наказать предателей! Они убили царевича и убьют всю царскую семью! Выдайте нам Нарышкиных и всех остальных изменников!» Поняв, что возмущение стрельцов вызвано отчасти недоразумением, бояре возвратились в Столовую палату и известили об этом Матвеева. Он, в свою очередь, прошел к царице и посоветовал ей прибегнуть к единственной возможности унять солдат – показать им, что царевич Иван жив и вся царская семья на месте. Он попросил ее вывести и Петра, и Ивана на Красное крыльцо и предъявить их стрельцам.

Наталья задрожала от страха. Встать с десятилетним сыном перед ревущей толпой, жаждущей крови ее родных, – какое жестокое испытание! Но у нее не было выбора. Взяв за руки Петра и Ивана, она вышла на верхнее крыльцо. Позади нее стоял патриарх с боярами. Когда стрельцы увидели царицу с двумя мальчиками, крики смолкли и смущенный ропот пронесся по площади. «Вот государь царь Петр Алексеевич. А вот государь царевич Иван Алексеевич. Слава богу, они в добром здравии и не пострадали от рук изменников. Во дворце нет измены. Вас обманули!» – раздался в наступившей тишине голос царицы.

Стрельцы снова зашумели. Теперь они заспорили друг с другом. Самые любопытные и дерзкие поднимались по лестнице или влезали по приставным лесенкам на перила крыльца, чтобы поближе взглянуть на беззащитную троицу, храбро стоявшую перед ними. Они хотели убедиться, что Иван в самом деле жив. «Ты и вправду Иван Алексеевич?» – спрашивали они у несчастного мальчика. «Да», – еле слышно, с запинкой пробормотал тот. «Иван? Точно?» – настаивали они. «Да, я Иван», – сказал царевич. Петр, стоя в нескольких шагах от стрельцов и видя прямо перед собой их лица и оружие, не говорил ничего. Он чувствовал, как дрожит материнская рука, но держался стойко, глядел спокойно и ни малейшего страха не проявлял.

Совершенно сбитые с толку этой очной ставкой, стрельцы отступили вниз по лестнице. Ясно, что их обманули и Ивана никто не убивал. Вот он, царевич, стоит живой и царица Наталья, оберегая его, держит за руку – царица из Нарышкиных, которых как раз и обвинили в убийстве Ивана. И никакой нужды в отмщении нет, и все славные, патриотические порывы стрельцов оказались глупыми и неуместными. Несколько смутьянов, которым не хотелось так легко отказываться от мысли посчитаться кое с кем из надменных бояр, начали выкрикивать их имена, остальные же стояли в смущенном молчании, неуверенно поглядывая на три фигуры на высоком крыльце.

Наталья помедлила еще с минуту, оглядывая волновавшееся перед ней море пик и топоров. Потом повернулась и увела детей во дворец – она сделала все, что могла. Как только царица скрылась, вперед выступил Матвеев – седобородый боярин в длиннополом одеянии. При царе Алексее он был любимым командиром стрельцов, и многие еще хранили о нем добрые воспоминания. Он заговорил с ними спокойно, доверительно, тоном вместе и хозяйским, и отеческим. Он напомнил об их былой верной службе, об их славе царских защитников, об их победах на полях сражений. Не укоряя их, без гнева, но с печалью вопрошал он, как могли они запятнать свое доброе имя этим мятежным буйством, которое тем прискорбнее, что вызвано слухами и ложью. Он еще раз заверил стрельцов, что царскую семью защищать не от кого, – она, как все только что видели, цела и невредима. Поэтому не нужно никому грозить смертью или расправой, он советовал им мирно разойтись по домам и просить прощения за сегодняшние беспорядки. При этом он обещал, что челобитные с просьбами о помиловании будут приняты благосклонно, а на бунт стрельцов станут смотреть лишь как на выражение их преданности престолу, пусть неумеренной и некстати проявленной.

Эта доверительная, дружелюбная речь сильно подействовала на стрельцов. В передних рядах, поближе к говорившему, люди внимательно слушали, согласно кивали. Сзади же все еще раздавались голоса спорщиков и призывы к тишине, чтобы можно было расслышать Матвеева. Мало-помалу, когда слова боярина дошли до всех, толпа стихла.

После Матвеева заговорил патриарх, назвав стрельцов своими чадами. В немногих словах он ласково пожурил их за их поведение, предложил испросить прощения и разойтись. Его речь тоже подействовала умиротворяюще, и казалось, что критический момент позади. Почувствовав, что настроение на площади улучшилось, Матвеев поклонился стрельцам и вернулся во дворец – утешить обезумевшую от страха царицу. Его уход оказался роковой ошибкой.

Как только он скрылся, на Красном крыльце появился князь Михаил Долгорукий, сын стрелецкого командующего. Переживая как личный позор то, что войско вышло из подчинения, взбешенный Михаил не нашел ничего умнее, как с ходу начать восстанавливать воинскую дисциплину. Он грубейшим образом обругал солдат и приказал возвращаться по домам, грозя в противном случае пустить в дело кнут.

В тот же миг все успокоение, которое внес было Матвеев, пошло прахом, сменившись яростным ревом. Рассвирепевшие стрельцы сразу вспомнили, что толкнуло их идти походом на Кремль: Нарышкиных надо покарать, ненавистных бояр, вроде Долгорукого, уничтожить! Неистовым потоком стрельцы устремились вверх по Красной лестнице. Они схватили Долгорукого за одежду, подняли над головами и швырнули через перила прямо на копья своих товарищей, сгрудившихся внизу. Толпа одобрительно загудела, раздался крик:

«Режь его на куски!» Через несколько секунд посреди забрызганной кровью толпы уже лежало изрубленное тело.

Пролив первую кровь, стрельцы как с цепи сорвались. Размахивая острыми клинками, в новом кровожадном порыве они ревущей массой хлынули вверх по Красной лестнице и ворвались во дворец. Следующей жертвой пал Матвеев. Он стоял в сенях возле Столовой палаты и разговаривал с Натальей, все еще державшей за руки Петра и Ивана. Увидев стрельцов, несущихся прямо на нее с воплями «Давай Матвеева!» – Наталья выпустила руку сына и инстинктивно обхватила руками своего приемного отца, пытаясь защитить его. Солдаты оттолкнули мальчиков, оторвали Наталью от старого боярина и отшвырнули ее в сторону. Князь Черкасский кинулся в свалку, чтобы вызволить Матвеева, но тоже был отброшен. На глазах у Петра и Натальи Матвеева выволокли из сеней, подтащили к перилам Красного крыльца и – с ликующими криками – подняли его высоко в воздух и швырнули на подставленные острия. Всего через несколько секунд ближайший друг и первый министр царя Алексея, отца Петра, защитник, наперсник и главный оплот матери Петра был изрублен в куски.

Теперь, когда Матвеев погиб, ничто не могло остановить стрельцов. Они беспрепятственно обшаривали парадные залы, личные покои, домовые церкви, кухни и даже чуланы Кремля, требуя крови Нарышкиных и бояр. В ужасе бояре спасались, кто где мог. Патриарх скрылся в Успенском соборе. Только Наталья, Петр и Иван оставались на виду, забившись в угол Столовой палаты.

Для большинства спасения не было. Стрельцы выламывали запертые двери, заглядывали под кровати и за алтари, тыкали пиками в каждый темный закуток, где мог спрятаться человек. Пойманных волокли к Красной лестнице и перебрасывали через перила. Их тела тащили вон из Кремля через Спасские ворота на Красную площадь, где быстро росла куча искалеченных, изрубленных трупов. Дворцовым карликам пригрозили перерезать горло и принудили их помогать в поисках Нарышкиных. Один из братьев Натальи, Афанасий Нарышкин, спрятался в алтаре Воскресенской церкви. Какой-то карлик указал на него стрельцам; несчастного за волосы выволокли на алтарные ступени и прямо на них зарубили. Ближнего боярина, судью Посольского приказа Иванова, его сына Василия и двух полковников убили в галерее, соединявшей Столовую палату с Благовещенским собором. Престарелого боярина Ромодановского поймали между Патриаршим дворцом и Чудовым монастырем, вытащили за бороду на Соборную площадь и там подняли на пики.

С площади перед дворцом человеческие тела и обрубки, нередко прямо с торчащими из них саблями и пиками, оттащивали через Спасские ворота на Красную площадь. Появление этих ужасных останков сопровождалось глумливыми воплями: «А вот и боярин Артамон Сергеевич Матвеев! Дорогу ближнему боярину!» Чудовищная куча перед храмом Василия Блаженного становилась все выше, а стрельцы кричали толпившемуся вокруг народу: «Любили бояре сесть повыше, так пусть теперь полежат!»

К ночи резня стала утомлять даже стрельцов. Им негде было ночевать в Кремле, так что многие потянулись обратно в город, по домам. Крови было пролито немало, но не все из задуманного им удалось: стрельцы отыскиали и убили только одного из Нарышкиных, Натальино брата Афанасия. Главный объект их ненависти, ее брат Иван, все еще не попался. Поэтому они приставили многочисленную стражу ко всем кремлевским воротам, отрезав всякую возможность бегства, и обещали вернуться завтра, чтобы продолжить поиски. В Кремле Наталья, Петр и Нарышкины провели ночь в страхе. Кирилл Нарышкин, отец царицы, ее брат Иван и еще трое младших братьев не покидали комнаты восьмилетней сестры Петра, Натальи, где они и прятались весь день. Их пока не нашли, но и деваться им было некуда.

На рассвете стрельцы вновь с барабанным боем вступили в Кремль. Продолжая разыскивать Ивана Нарышкина, двоих докторов-иностранцев – предполагаемых отравителей царя Федора – и других «изменников», они явились во дворец патриарха на Соборной площади. Облазив погреб и пошарив под кроватями, стрельцы пригрозили слугам и

потребовали самого патриарха. Иоаким вышел в самом пышном церемониальном облачении и сказал, что в его доме изменники не прячутся и что если стрельцам нужно кого-нибудь убить, то пусть убьют его.

Итак, поиски продолжались, стрельцы все рыскали по дворцу, а их добыча, Нарышкины, все ускользала. Просидев два дня в темных чуланах при спальне маленькой сестры Петра, отец Натальи, Кирилл Нарышкин, его трое сыновей и юный сын Матвеева перебрались в комнаты молодой вдовы царя Федора, царицы Марфы Апраксиной. Там Иван Нарышкин остриг свои длинные волосы, а затем маленькая группа следом за старой сенной девушкой прошла в темный подвал. Старуха предлагала запереть дверь, но молодой Матвеев сказал: «Не нужно. Если ты запрешь нас, стрельцы что-нибудь заподозрят, выломают дверь, найдут нас и поубивают». Поэтому беглецы постарались, как могли, затемнить помещение и сидели, забившись в самый темный угол. «Едва мы успели туда забраться, – рассказывал впоследствии молодой Матвеев, – как мимо прошли несколько стрельцов. Они заглянули в открытую дверь, потыкали копьями в темноту, но быстро удалились со словами: „Наши, видать, уже здесь побывали“».

На третий день стрельцы опять вернулись в Кремль, с твердым намерением положить конец затянувшимся пряткам. Их предводители взойшли по Красной лестнице и предъявили ультиматум: если немедленно им не выдадут Ивана Нарышкина, они перебьют всех бояр во дворце. При этом стрельцы дали понять, что и самой царской семье грозит опасность.

Тогда за дело взялась Софья. На глазах у перепуганных бояр она подступила к Наталье и громким голосом заявила: «Брату твоему не отбыть от стрельцов. Не погибать же нам всем из-за него».

Для Натальи настала тяжелая минута. Она видела, как уволокли и убили Матвеева, а теперь требовали, чтобы она и брата отдала на лютую смерть. Как ни ужасно было принимать такое решение, другого выхода у Натальи не было. Она велела слугам привести Ивана. Тот явился, и она прошла с ним в домовую церковь, где Иван причастился и соборовался, с большим мужеством принимая выбор Натальи и грядущую смерть. Заливаясь слезами, царица дала брату икону Божьей Матери, чтобы с ней в руках он вышел к стрельцам.

Тем временем бояре, которым потерявшие терпение стрельцы угрожали все яростнее, начали отчаиваться. Что же Иван Нарышкин так медлит? В любую минуту стрельцы способны осуществить свои угрозы! Пожилой князь Яков Одоевский, по натуре мягкий, но сейчас движимый страхом, подошел к рыдающей Наталье и Ивану и произнес: «Долго ли, государыня, будешь ты держать своего брата? Пора уж его отдать. Ступай скорее, Иван Кириллович, не дай нам всем из-за тебя пропасть».

Вслед за Натальей, неся перед собой икону, Иван Нарышкин направился к двери, за которой ждали стрельцы. Как только он показался, толпа испустила хриплый торжествующий вопль и подалась вперед. На глазах у царицы стрельцы схватили свою жертву и принялись избивать. Его стащили за ноги по Красной лестнице, проволокли по площади перед дворцом в пыточную камеру и терзали там несколько часов, пытаясь вырвать признание в убийстве царя Федора и в посягательствах на престол. Нарышкин вынес все – стиснув зубы, он только стонал, но не произнес ни слова. Тогда привели доктора ван Гадена, якобы отравившего Федора. Под пыткой он пообещал назвать имена сообщников, но пока его слова записывали, стрельцы, сами поняв, в каком он состоянии, закричали: «Что толку его слушать? Порвите бумагу!» И палачи отступились.

Иван Нарышкин был уже почти мертвец. Его запястья и лодыжки были переломаны, руки и ноги неестественно вывернуты. Его и ван Гадена отволокли на Красную площадь и вздернули на пики, чтобы в последний раз продемонстрировать толпе. Потом опустили на землю, отрубили кисти и ступни топором, изрезали тела на куски и, в последнем приступе ненависти, втоптали кровавые останки в грязь.

Бойня кончилась. Стрельцы собрались напоследок возле Красной лестницы. Удовлетворенные тем, что отомстили за «отравление» царя Федора, задушили заговор Ивана

Нарышкина, перебили всех, кого считали изменниками, они желали теперь выразить свою преданность престолу. Поэтому они прокричали со двора: «Мы теперь довольны! Пусть твое царское величество поступает с остальными изменниками как хочет. А мы готовы головы сложить за царя, царицу, царевича и царевен!»

Спокойствие быстро восстановилось. В тот же день было разрешено похоронить тела, лежавшие на Красной площади с первого дня резни. Верный слуга Матвеева прибрел оттуда, неся простыню, в которую бережно сложил все, что осталось от изувеченного тела хозяина. Он обмыл останки и на подушках отнес в приходскую Никольскую церковь, где их похоронили. Уцелевшие Нарышкины остались невредимы, и никто их не преследовал. Трое младших братьев Натальи и Ивана выбрались из Кремля, переодевшись в крестьянское платье. Отец царицы, Кирилл Нарышкин, под давлением стрельцов принял монашеский постриг и, уже как старец Киприан, был отправлен в монастырь за четыреста верст к северу от Москвы.

Одним из основных условий примирения стрельцы поставили выплату просроченного жалованья – по двадцать рублей на человека. У Боярской думы не хватало духу возражать, но и выделить этих денег она не могла – их попросту не было. Договорились: стрельцам заплатят пока по десять рублей, и чтобы собрать эту сумму, распродадут имущество Матвеева, Ивана Нарышкина и других убитых бояр, пустят в переплавку множество кремлевской серебряной посуды и введут особый налог.

Стрельцы, кроме того, потребовали полной амнистии и даже сооружения триумфального столпа на Красной площади в честь своих недавних подвигов. На столпе надлежало означить имена убитых бояр, чтобы предать их позору за гнусные преступления. Снова правительство не посмело отказать, и столп поспешно установили.

В конце концов, в попытке не только угодить стрельцам, но и восстановить над ними контроль, им официально вменили в обязанность охрану дворца. Каждый день в Кремль призывались по два полка, и там их потчевали, как героев, в Грановитой палате и в переходах дворца. Софья выходила к ним – похвалить за верность и преданность трону. Чтобы уважить стрельцов, она самолично обносила их чарками с водкой.

* * *

Так Софья пришла к власти. Оппозиции уже не было: Матвеев погиб, Наталью сокрушили несчастья, постигшие ее семью, а Петру было всего десять лет. Правда, он все еще оставался царем и, повзрослев, конечно, мог утвердиться в своих правах. Тогда восстановилось бы влияние Нарышкиных, и нынешняя победа Милославских оказалась бы лишь временной. Поэтому Софьин план предусматривал следующий шаг: 23 мая по наущению ее агентов стрельцы потребовали смены правителя на российском престоле. В челобитной на имя Хованского, которого Софья успела назначить их командующим, стрельцы указывали, что избрание Петра на царство не вполне законно, – он сын второй жены царя Алексея. Иван же, сын от первого брака и старший из двоих царевичей, оказался в стороне. Они не предлагали свергнуть Петра: как-никак он царский сын, избранный на царство при поддержке патриарха. Нет, стрельцы требовали, чтобы Петр и Иван царствовали вместе как соправители. В случае отказа стрельцы грозились опять пойти на Кремль.

Патриарх, архиереи и бояре собрались в Грановитой палате, чтобы рассмотреть это новое требование. Делать, в сущности, было нечего: со стрельцами не поспоришь. К тому же очень кстати возникло мнение, что у двоецарствия есть свои преимущества, – пока один царь воюет, другой может оставаться дома и править страной. На том и порешили: пусть царствуют на пару. Ударили в колокола Ивана Великого, в Успенском соборе пропели многая лета двум православнейшим царям, Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу. Имя Ивана стояло первым, потому что стрельцы в челобитной настаивали на его старшинстве.

Самого Ивана этот новый поворот судьбы ужаснул. Страдая затрудненной речью и слабым зрением, он никак не желал участвовать в делах управления. Он убеждал Софью, что

предпочитает тихую, спокойную жизнь, но в конце концов был вынужден дать согласие появляться вместе со сводным братом во время торжественных выходов и иногда – на заседаниях Думы. За стенами Кремля народ, от имени которого стрельцы якобы и предложили новое совместное правление, изумлялся. Некоторые смеялись вслух, представляя себе Ивана, чьи немощи были хорошо известны, в роли царя.

Встал, наконец, и главный вопрос: раз оба царя еще юны, значит, кому-то придется на деле править государством. Кому же? Через два дня, 29 мая, явилась новая делегация стрельцов с последним требованием: по молодости и неопытности обоих царей правительницей следует стать царевне Софье. Патриарх и бояре снова согласились, и в тот же день был оглашен указ о том, что царицу Наталью на регентском посту сменила царевна Софья.

Итак, Софья стала во главе Российского государства. Хотя она заняла место, собственноручно созданное ею при помощи ее сторонников, в тот момент выдвижение Софьи было, в сущности, естественно. Никто из мужчин дома Романовых не достиг необходимого возраста, чтобы справиться с государственными делами, а всех остальных женщин в роду она превосходила и образованностью, и способностями, и силой воли. Она доказала, что знает, как привести в движение и куда направить смерч стрельцкого бунта. Солдаты, правительство и даже народ теперь надеялись только на нее. Софья приняла власть, и следующие семь лет эта выдающаяся женщина правила Россией.

* * *

Стремясь всячески упрочить свою победу, Софья поспешила узаконить новую структуру власти. 25 мая состоялась двойная коронация юных царей, Ивана и Петра. Эта наспех организованная, странная церемония не имела прецедента не только в российской истории, но и в истории всех европейских монархий. Никогда прежде не короновались сразу двое равноправных монархов мужского пола. В пять часов утра Петр и Иван в длинных, парчовых, расшитых жемчугами одеяниях проследовали к заутрене в домовую церковь. Оттуда они прошли в Столовую палату и там торжественно повисили в чинах нескольких Софьиных сторонников, в том числе Ивана Хованского и двоих Милославских. Затем коронационная процессия вступила на крыльцо и двинулась вниз по Красной лестнице – мальчишки шли рука об руку, и было видно, что десятилетний Петр уже выше хромого шестнадцатилетнего Ивана. Вслед за священниками, кропившими путь святой водой, Петр и Иван прошли сквозь огромную толпу на Соборной площади к дверям Успенского собора, где патриарх в сверкавшем золотом и жемчугами облачении встретил царей и протянул им крест для целования. Высокий храм был полон света, который лился из-под купола, исходил от сияния сотен свечей, отражался в гранях тысяч драгоценных камней.

Посреди собора, прямо под огромным изображением Христа Вседержителя, на возвышении, покрытом малиновой тканью, для Ивана с Петром был приготовлен двойной трон. Из-за спешки не успели сделать два одинаковых трона, и потому взяли серебряный трон царя Алексея и разделили сиденье перегородкой. За спинкой трона с помощью занавески устроили тайник для дядьки (воспитателя) братьев, откуда он мог через специальное отверстие шепотом подсказывать им, как себя вести и что в какой момент говорить во время коронации.

В начале церемонии оба царя приблизились к иконостасу и приложились к самой священной из икон. Патриарх просил каждого объявить свое вероисповедание, и каждый ответил: «Я принадлежу к святой Православной русской церкви». Последовала серия долгих молитв и песнопений – прелюдия к кульминационному моменту коронации, возложению на головы царей золотой шапки Мономаха.

Эту старинную, отороченную собольим мехом шапку, по преданию, прислал в XII веке один из византийских императоров Владимиру Мономаху, великому князю Киевскому. С тех пор ее использовали для коронации всех великих князей Московских, а после того как Иван

IV принял новый, царский, титул, – и всех русских царей²⁴. Первым венчали на царство Ивана, потом Петра, потом шапка Мономаха возвратилась на голову Ивана, а Петру надели специально изготовленную для младшего из царей – ее копию. В конце службы новые правители вновь поцеловали крест, святые реликвии и иконы и проследовали к собору Михаила Архангела поклониться гробницам прежних царей, затем к Благовещенскому собору, и вернулись в Грановитую палату пировать и принимать поздравления.

Переворот завершился. Быстрой, головокружительной чередой промелькнули смерть царя Федора, избрание на его место десятилетнего ребенка, сына от второго брака Алексея Михайловича, свирепый стрелецкий бунт, свергнувший Петра и окропивший юного царя и его мать кровью их родственников, затем обставленная со всей помпой и великолепием коронация этого мальчика вместе с хилым, убогим сводным старшим братом. И во всем этом кошмаре, несмотря на то что его уже избрали на царство, он был совершенно бессилён повлиять на события.

Кровавый след стрелецкого бунта остался в сердце Петра на всю жизнь. Покой и безмятежность детства разбились вдребезги, осталась вывихнутая, опаленная душа. Стрелецкий бунт, во многом определивший судьбу Петра, впоследствии глубочайшим образом сказался и на судьбах России.

Петр навсегда возненавидел то, что ему пришлось увидеть и пережить: обезумевшая, разнузданная солдатня старой средневековой Руси рыскала по всему Кремлю, волокла государственных деятелей и вельмож из их покоев на кровавую расправу; Москва, Кремль, царская семья и он сам очутились в руках невежественной, необузданной силы. Бунт полностью изменил отношение Петра к Кремлю с его темными покоем, лабиринтами крохотных комнаток, тусклым мерцанием свечей, с его обитателями – боролатыми священниками и боярами и жалкими, спрятанными от мира женщинами. Он возненавидел и Кремль, и всю Москву, столицу православных монархов, и Православную церковь с ее заунывно ноющими попами, чадающими кадилами, удушающим консерватизмом. Возненавидел старомосковскую пышность обрядов, во время которых его величали «помазанником Божиим»: величать величали, а защитить не сумели – ни его самого, ни его мать, когда на них ополчились стрельцы.

В стране теперь правила Софья, а Петр покинул Москву и до своего возмужания жил в деревне, вдали от города. Позже, когда он стал хозяином России, его давняя неприязнь к Москве повлекла за собой внушительные последствия. Мало того что царь годами не появлялся в Москве, он в конце концов лишил ее столичного статуса. Столицей стал новый город, созданный Петром на Балтике. В известном смысле стрелецкий бунт вдохновил Петра на строительство Санкт-Петербурга²⁵.

²⁴ На двойной коронации Ивана и Петра русских самодержцев в последний раз венчали на царство шапкой Мономаха. Все преемники Петра в XVIII и XIX вв. носили титулы императоров и императриц. Многие из них заказывали себе новые короны, побольше, пока наконец по указу Екатерины II не была изготовлена корона Российской империи, которой и короновались последние семь русских монархов. Но и тогда шапка Мономаха по-прежнему сохраняла огромное символическое значение, и хотя ее уже никогда больше не возлагали на голову самодержца, ее несли в каждой коронационной процессии как символ непрерывной линии, соединявшей нового монарха с императорами Византии.

²⁵ Удивительную параллель ненависти Петра к Москве можно видеть в отвращении Людовика XIV к Парижу. В 1648 г., когда Людовику, как и Петру в 1682 г., было десять лет, вспыхнуло восстание французского парламента и знати – Фронда. Войска были брошены на подавление мятежа, но через некоторое время они повернули оружие против престола. В разгар беспорядков маленький король и его мать оказались в осаде у парижской черни. Ночью, под яростные вопли и треск мушкетной стрельбы, Людовика тайно вывезли из Парижа в Сен-Жермен, где король провел ночь на охапке соломы. С тех пор он терпеть не мог Париж и крайне редко там показывался. Он построил Версаль, и этот знаменитый дворец стал столицей Франции – точно так же Петр избегал Москвы и построил новую столицу на Неве.